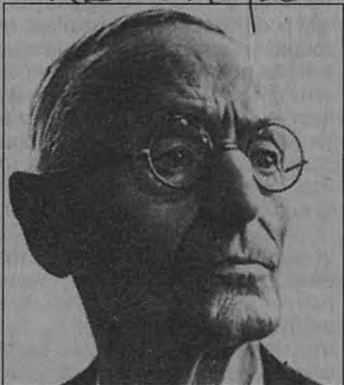

В 1946 году известному писателю была присуждена премия Гете, 6 октября того же года в базельской газете "Националь-цайтунг" был опубликован ответ мудрого прозаика на поздравления. Перевод С.К.Апта.

Этими строчками мне хочется поблагодарить за присланные мне поздравления с Гетевской премией. Мои чувства и мысли при получении этих поздравлений были столь двойственны, что мне оказалось трудно выразить их хотя бы частично. Прошу моих друзей быть снисходительными к тому, что получилось.

Многие из вас будут удивлены, а то и смущены тем, что я принял эту честь, и правда, моя первая, чисто инстинктивная реакция на нее была не "да", а "нет". Для такой безотчетной реакции нашлись резоны вроде следующих: для старого и без того переутомленного человека это будет чувствительным добавочным бременем. Кроме того, это создаст видимость некоего примирения с официальной Германией. Да и само по себе было бы неверно и странно принимать в форме этой премии некую компенсацию или мзду от страны, банкротство которой я вторично целиком разделяю и которая лишила меня доверенного ей труда моей жизни. Нет, говорил я себе в этом первом порыве, от Германии я смею ждать и требовать удовлетворения моего простого права, моей реабилитации после шельмова-

Благодарность и нравоучительное замечание

ния, которому меня подвергли при Геббельсе и Розенберге, восстановления моей работы или хотя бы части ее и естественного, простейшего вознаграждения в виде денег и куска хлеба. Но ведь такой Германии, во власти которой было бы исполнить это мое желание, больше не существует. И какими колючими и сложными, какими острыми и тяжелыми были со времени первой мировой войны отношения между этим загадочным, великим, капризным народом и мной! Как раз в те дни, когда мне надо было решить, принимать ли премию, из Германии, снова приходили кипы ругательных писем, и в них я, в общем-то, видел довольно адекватное выражение отношений между мною и этим народом, чей язык был моим орудием и моей духовной родиной и чье полити-

ческое поведение в мире я с 1914 года наблюдал, да и не раз комментировал со все большей неприязнью.

Но не успел я осознать эти первые порывы, как нашлись столь же убедительные контрдоводы. Ведь эта честь была предложена мне не той Германией, которой больше не существовало, а иным, старым, демократичным, связанным с еврейской культурой городом Франкфуртом, вызывавшим торжествами в церкви святого Павла ненависть Гогенцоллернов, предложена комитетом, который в дни тяжелых испытаний при Гитлере вел себя не просто пристойно, а действительно храбро и прекрасно знал, что, выбрав меня, снова вызовет вражду к себе со стороны того слоя народа, откуда как раз и приходили эти злобные письма, побежденного в данный момент, но отнюдь не исчезнувшего с лица земли слоя националистов-фанатиков.

Если бы с получением премии была связана для меня какая-либо материальная выгода, я, конечно, не смог бы ее принять. Но это не так, денежная сумма останется в Германии и будет раздана.

Премии и почести — это не совсем то, чем они кажутся нам в молодости. На взгляд награжденного, это не удовольствие, не праздник и не что-то заслуженное им. Они — маленькая составная

часть того сложного, построенного в основном на недоразумениях феномена, который называется известностью, и видеть в них нужно то, чем они являются: попытки официального мира отделиться от смущения при виде неофициальных успехов. Это с обеих сторон символический жест, акт воспитанности и вежливости.

Тот факт, что премия носит имя Гете, наперед запрещает награжденному считать себя достойным ее. Большинство награжденных ранее, наверное, и не считали себя достойными. Ни с художником, ни с человеком Гете мы, дети страшного времени, не смеем и сравнивать себя. Тем не менее я с усмешкой вспоминаю некоторые его слова о характере немцев и в иные минуты думаю, что, будь Гете нашим современником, он в какой-то мере согласился бы с моим диагнозом обеих великих болезней нашего времени. Ведь нынешним состоянием человечества мы обязаны, по-моему, двум душевным болезням: мании величия, которой страдает техника, и мании величия, которой страдает национализм. Они определяют облик нынешнего мира и его самосознание, они принесли нам две мировые войны с их последствиями и повлекут за собой, прежде чем отбушуют, еще много аналогичных последствий.

Спротивление обеим этим болезням мира — вот в чем состоит

сегодня важная задача духа на земле и его оправдание. Этому сопротивлению служила и моя жизнь, маленькая волна в потоке.

Довольно нравоучений. Для нас, людей старых, особенно когда нам плохо, мир — это прежде всего нравственный феномен, нравственная проблема, а лицо мира то ужасно, то мрачно. А для ребенка, для преданного Богу праведника, для поэта, для мудреца мир — это нечто совсем другое, и у него тысячи лиц, в том числе несказанно прелестных. И если я сегодня немного пользуюсь правом стариков и морализирую, то не будем за этим забывать: завтра или послезавтра, по эту ли или по ту сторону смерти я, возможно, опять буду поэтом, праведником, ребенком, и мир, и мировая история предстанут мне уже не нравственной проблемой, а вечным, божественным зрелищем, книжкой с картинками.

И наша смертельно больная Европа, полностью отказавшись от своей ведущей и активной роли, может быть, снова станет понятием, несущим в себе заряд высшей ценности, тихим вместилищем, сокровищницей благороднейших воспоминаний, прибежищем душ — примерно в том смысле, в каком до сих пор мои друзья употребляли вместе со мной магическое название "Страна Востока".

Герман ГЕССЕ